

На правах рукописи

005011088

МАХОТИНА
Илона Юрьевна

ЦЫГАНЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА
Литература и фольклор

Специальности 10.01.01 — русская литература
10.01.09 — фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

- 1 МАР 2012

ТВЕРЬ 2012

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы
Тверского государственного университета

Научный руководитель

доктор филологических наук профессор М. В. Строганов

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор Е. Н. Брызгалова

кандидат филологических наук доцент Е. М. Белецкая

Ведущая организация

Курский государственный университет

Защита состоится «6» 03 2012 года в 12⁰⁰ часов на заседании
диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой
степени кандидата филологических наук в Тверском государственном
университете по адресу: 170002, г. Тверь, пр-т Чайковского, 70, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского
государственного университета по адресу: 170000, г. Тверь,
ул. Володарского, 44 а.

Автореферат разослан «4» 02 2012 г.

Ученый секретарь
специализированного совета

доктор филологических наук профессор

С. Ю. Николаева

Общая характеристика работы

Русские цыгане¹ тесно связаны с русской с литературой и фольклором. Многие произведения русской литературы вошли в обиход русских цыган, цыган стал одним из центральных образов русской литературы как символ вольнолюбивого, независимого человека. Самодеятельное и наивное творчество русских цыган опирается на русскую литературную и фольклорную традиции.

Восприятие цыганами языка и культуры окружающих этносов привело к формированию независимых литературных и фольклорных систем, требующих самостоятельного специального изучения. В первой половине XIX в. англичанин Дж. Борроу указывал, что собрание цыганских песен «с переводом и словарем было бы немалым вкладом в литературу и, вероятно, пролило бы больше света на историю этой расы, нежели что-нибудь, что уже появилось; и поскольку в России нет недостатка усердия и таланта среди культиваторов любой из ветвей литературы, и особенно филологии, то это просто удивительно, что такое собрание всё еще остается нереализованным»². Однако традиционная культура русских цыган чрезвычайно редко становилась предметом научного изучения. Вопрос о русском происхождении музыкально-поэтического репертуара русских цыган сравнительно недавно поставлен цыгановедческой наукой. Но современная русская филология, критично воспринимая цыганское профессиональное исполнительство, игнорирует бытование русской литературы и фольклора в цыганской среде и не учитывает опыт собирателей цыганского репертуара. Отсутствие фундаментальных исследований, эпизодичность филологических наблюдений над цыганской культурой, недостаток специальных знаний и образования у большинства исследователей, многочисленные мистификации, наносят ощутимый вред изучению вопроса.

---

¹ Цыгане Европы не представляют собой единый этнос и делятся на субэтногруппы, что обусловлено их связью с коренным населением и отражается в языке, материальной и духовной культуре. Их различия столь же значительны, как и различия между славянскими народами. В России проживает около двадцати цыганских субэтногрупп. *Русские цыгане* (самоназвание *русска рома*) — наиболее многочисленный и древний пласт российских цыган, предки которых пришли в Россию при Петре I из Германии через Польшу и Литву. Их занятия были связаны с лошадьми (барышничество и коновальство), женщины гадали и попрошайничали. Популярность музыкального исполнительства русских цыган привела к появлению в конце XVIII в. профессиональных хоров, имевших огромное значение для русской культуры. Культура русских цыган испытала наибольшее влияние русской традиции, вместе с тем это одна из наименее изученных субэтногрупп.

² Цыганы // Северная пчела. 31 июля. № 169, С 675—676; Цыганы // Северная пчела. 1 августа. № 170, С. 679—680.

Основная цель работы заключается в объективном и всестороннем анализе процесса динамического многоуровневого взаимодействия культуры русских цыган с литературой и фольклором окружающего этноса и отражения его в литературе. Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие задачи:

1. Проанализировать литературные источники, в которых отражены многочисленные сведения по этнографии, традиционной культуре и профессиональному исполнительству русских цыган.

2. Определить роль произведений русской литературы в формировании жанрового состава фольклора русских цыган.

3. Охарактеризовать источники и средства создания образа цыган в русской литературе.

4. Оценить значение репертуара цыганской эстрады для генезиса и эволюции поэтического фольклора русских цыган.

5. Выявить специфику фольклорных текстов русских цыган с учетом сложившегося фольклорного двуязычия.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили работы литературоведов Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц, Б. Ф. Егорова, М. В. Строганова, М. Л. Лурье; фольклористов Г. Кабаковой, Л. Н. Копаневой, В. С. Кузнецовой, С. Ю. Неклюдова, А. Ф. Некрыловой; этнографов А. П. Баранникова, Л. Мануша, Е. А. Марушиаковой и В. Попова, М. В. Сеславинской; лингвистов Л. Н. Черенкова, В. В. Шаповала; музыковедов Б. В. Асафьева, Б. С. Штейнпресса, М. С. Друскина, Т. А. Щербаковой.

Источниковедческая база исследования. Материалом для исследования стали несколько видов источников: русская и зарубежная художественная литература, мемуаристика и публицистика XVIII—XX вв.; публикации восточнославянского и цыганского фольклора; материалы фондов Государственного архива Тверской области и фольклорного архива кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета; полевые материалы автора диссертации; аудиозаписи профессиональных цыганских артистов; этнографические и литературные материалы архива семьи Панковых, переданных диссертанту держателями архива Е. А. Друцем, В. И. Калининным и наследницей архива кандидатом биологических наук Л. Н. Панковой (Москва).

В диссертации используется описательный метод исследования с его приемами систематизации, обобщения и оценки фактического материала; сопоставительный метод, заключающийся в анализе и сравнении образцов фольклора русских цыган с русскими (восточнославянскими) прототипами.

Научную новизну исследования обеспечивает отбор материала и характер его интерпретации, подход к культурному наследию цыган с точки зрения взаимосвязи и обусловленности всего его пластов —

литературного, этнографического, лингвистического и искусствоведческого.

Положения, выносимые на защиту:

1. На формирование подавляющего большинства поэтических текстов, бытующих в цыганской среде, активное влияние оказывали произведения русской литературы и фольклор.

2. Образ цыганки как экзотической возлюбленной является самым популярным воплощением цыганской темы в русской литературе XIX—XX вв. и восходит к типу этнической героини, впервые появившемуся в поэме А. С. Пушкина «Цыганы».

3. Мнение о хоровом происхождении поэтического фольклора русских цыган, обусловленное вниманием исследователей к профессиональному цыганскому исполнительству, следует корректировать фактами обращения в цыганском быту произведений, тесно связанных с русской литературой и фольклором, не исполнявшихся на цыганской эстраде.

4. Музыкально-поэтическое творчество цыганских авторов России ориентировано на русские литературные и фольклорные тексты и собственно национальную исполнительскую традицию, что создало условия для фольклоризации ряда произведений.

5. Двуязычный фольклор русских цыган делится на аутентичные и заимствованные из фольклора окружающего этноса жанры.

6. Тексты, затрагивающие «цыганскую» тему в русском фольклоре представляет собой источник для исследования этнического стереотипа цыган, народной мифологии о цыганах, характера социо-культурных отношений окружающего этноса с цыганами, а также традиционной культуры цыган.

7. Имитация речи цыган в русском фольклорном театре и текстах городских народных песен в большинстве случаев поддаются реконструкции как заимствования из цыганского языка, имеющие в основе разговорные фразы и строки популярных эстрадных цыганских песен.

Научно-теоретическая значимость работы заключается в демонстрации роли русской литературы и фольклора в формировании репертуара русских цыган. Исследуется практически неизученное явление — традиционная культура этноса, включенного в иноэтническую среду. К цыганскому фольклору впервые применяются термины: песня литературного происхождения, текст непесенного интонирования, этиологическое повествование, введенный диссертантом термин *ложное закланье* и другие. **Практическая значимость** работы определяется вкладом в сферу литературоведения, фольклористики, этнографии, источниковедения, искусствоведения. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке и комментировании сборников песен литературного происхождения, а также литературных произведений, в

которых изображены цыгане как особая культурная общность. Кроме того, материалы работы могут быть использованы в вузовской практике при преподавании общих курсов истории литературы и при преподавании курсов по выбору по межкультурным связям.

За последние два десятилетия интерес к истории, этнографии и литературе цыган в мире значительно вырос, на должный профессиональный уровень в России поднято изучение цыганского языка. В то же время исследование фольклора и литературы цыган практически не ведется. Подавляющее большинство публикаций отечественных цыгановедов носят популярный характер и не соответствуют требованиям современной науки, кроме того, продолжают появляться научные мистификации. **Актуальность** настоящей диссертации подчеркивает тот факт, что ныне культура русских цыган представляет собой своего рода «уходящую натуру», испытывающую влияние СМИ, всеобщего школьного образования и проч.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории русской литературы ТвГУ, излагались автором в докладах и сообщениях на международных, всероссийских, межрегиональных и межвузовских конференциях: Тверское фольклорное поле — 2007 (Тверь, 29 февраля 2008 г.); Цыгане Украины: из прошлого в будущее (Киев, 8—10 апреля 2008 г.); Тверское фольклорное поле — 2008 (Тверь, 27 февраля 2009 г.); Тверское фольклорное поле — 2009 (Тверь, 16 апреля 2010 г.); Фольклор в современной культуре (Тверь, 11—12 ноября 2010 г.); Музыка Тверского края (Тверь, 20 декабря 2010 г.); Тверское фольклорное поле — 2010 (Тверь, 25 февраля 2011 г.).

Структура и объем исследования определены поставленными целью и задачами. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, Библиографии (список использованной литературы включает 380 наименований). Общий объем исследования 227 страниц.

Основное содержание работы

Во *Введении* содержатся краткие сведения об истории, языке и культуре цыган, обосновываются актуальность и научная новизна работы, формулируются цель и задачи исследования, определяются его теоретический и методологический аппарат.

Первая глава «Репертуар русских цыган и русская литература и фольклор» посвящена изучению генезиса репертуара русских цыган и его связей с литературой и традиционной культурой окружающего этноса, а также с профессиональным цыганским исполнительством.

Параграф 1 «Собирание и изучение фольклора русских цыган в России в XIX—XX веках» содержит критический обзор источников и исследований по традиционной культуре и этнографии русских цыган и

показывает роль русских писателей в этом процессе. До настоящего момента в России литературоведы и фольклористы практически не изучали устное творчество русских цыган, что объясняется по преимуществу незнанием среды и языка. Этнографы не ставили перед собой фольклористических задач, ограничиваясь сборником «подручного» материала. С популярностью цыганского исполнительства в России связано приоритетное внимание собирателей к музыкально-поэтическому творчеству русских цыган, главным образом ориентировавшихся на информантов из артистической среды. В результате целый пласт цыганского коллективного и индивидуального творчества остался за рамками специальных изданий: бытовые песни, проза и фразеология зафиксированы в ничтожном объеме, ряд жанров до сих пор вообще не учитывался. Первой фиксацией народной поэзии русских цыган является фрагмент песни, записанный Дж. Борроу в 1835 г. в Москве (1841), а изучение северо-русского диалекта цыганского языка начал московский мещанин М. Григорьев в любительской грамматике 1851 г. (архив Института востоковедения, Петербург). Мало освоен очерк быта цыган Тобольской губернии К. М. Голодникова «Проклятое племя» (1879), включающий несколько песен и словарь цыганского языка. Наиболее значительное исследование рубежа XIX—XX в. — сборник В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» (1897, 1908), содержащий описание фольклора, речи и быта оседлых цыган Смоленской губернии. Ценным источником является любительская «Грамматика цыганского языка» (1900) петербургского эстрадника П. С. Истомина (Патканова).

В советский период появились популярные музыкальные сборники эстрадного репертуара цыган (Н. Н. Кручинин, 1929, 1955, 1961; А. Лихатов, 1967; С. М. Бугачевский, 1971; Р. Ф. Мелешко, 1980; Н. А. Сличенко, 1983). Вопрос о генезисе народной поэзии русских цыган поднимал В. М. Щуров, редактор сборника писателей-этнографов Е. А. Друца и А. Н. Гесслера (1988), которые также подготовили публикацию песен русских цыган 1930—1940-х гг. из архива Е. А. Муравьевой (1989). Но некорректные переложения Друца и Гесслера сказок и песен разных цыганских субэтногрупп на русский язык подверглись резкой критике С. Н. Азбелева (1987, 1988) и не вызывают доверия.

Публикации ожидают цыганский фонограммархив Е. В. Гиппиуса (1932), диссертация Т. Ф. Киселевой «Цыганы европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости» (1953), семейный архив Н. А. (1895—1959) и А. А. (1899—1988) Панковых, представляющих хоровую династию петербургских цыган и внесших весомый вклад в развитие цыганской культуры. Материалы этого архива недобросовестно использованы в главе о цыганских хорах в книге Друца и Гесслера «Цыгане» (1990).

Мистификациями являются брошюра А. В. Елисеева «О материалах для изучения цыган, собранных М. И. Кунавиным» (1881) и двухтомник А. Н. Куна «Сказки цыган» (1922), восходящий к мистификации Х. фон Влислоцкого (1890). Наш анализ публикации архива И. М. Андрониковой показал, что в сборнике «Язык цыганский весь в загадках» (2006), содержащем 13140 текстов, воспроизводятся не полевые записи, а материалы В. Н. Добровольского, А. Н. Куна и других.

Главная методологическая ошибка публикаций устного репертуара русских цыган — выделение народной поэзии из общего массива и игнорирование прочих жанров литературы и других видов словесности. На пути изучения народной поэзии русских цыган стоят проблемы фольклорного двуязычия и дифференциация профессионального (хорового) и бытового (таборного) репертуара, сказавшиеся на попытках классификации народной поэзии, в которых опорным пунктом в распознавании текста служили не жанровые признаки, а язык (цыганский, русский, макаронический). Собиратели понимали под таборной песней произведения на цыганском языке, не считая цыган носителями русской поэзии и фольклора и пренебрегая этой частью репертуара при записи и публикации. Присутствие в цыганском обиходе русских песен и романсов традиционно связывается с деятельностью цыганских хоров, иные пути заимствования не допускаются, хотя нецыганское происхождение хорового репертуара констатировал Б. С. Штейнпресс (1934). Исследование Т. А. Щербаковой музыкального исполнительства и творчества цыган России (1984) отличается слабой теоретической базой, поверхностным изучением и некритической апробацией источников. Необоснованный вывод Щербаковой, что весь зафиксированный этнографами материал возник в исполнительской практике цыганских музыкантов XVIII—XIX вв., Н. В. Бессонов и Н. Г. Деметер (2000) приняли как утверждение, что таборная песня появилась на рубеже XIX—XX вв. в результате творчества хоровых цыган. Игнорируя фиксацию бытовых песен не хорового происхождения М. Григорьевым, К. М. Голодниковым, В. Н. Добровольским, но признав иноэтнический генезис поэтического фольклора русских цыган, исследователи рассматривали его эволюцию как единый поступательный процесс, подкрепив тезис беглым лингвистическим анализом двух эстрадных песен.

Число отечественных исследований, посвященных языку и культуре цыган России и ближнего зарубежья достаточно велико, однако публикации по отдельным субэтногруппам единичны, а их качество зачастую не отвечает требованиям современной науки. Полноценных работ по традиционной культуре русских цыган до настоящего момента не возникло. Существующие источники дают относительно полное представление лишь о репертуаре цыганской эстрады 1920—1980-х гг.

Параграф 2 «Цыганский хор как феномен русской литературы XVIII—XX веков» анализируются сведения об истории, быте, укладе и репертуаре цыганских хоров, почерпнутые из литературных произведений П. П. Свинына, Ап. Григорьева, П. Н. Столянского, М. Н. Загоскина, А. А. Фета, Л. Н. Толстого, А. Ф. Писемского, Г. И. Успенского, а также из мемуаров и исследований Л. Травина, А. Т. Болотова, Н. А. Львова, П. П. Свинына, Ап. Григорьева, С. П. Жихарева, Н. И. Шенига, Т. Готье, П. И. Якушкина, С. Л. Толстого, Л. М. Жемчужникова, М. К. Башкирцевой, Д. А. Ровинского, из анонимной журналистики, воспоминаний цыганских артистов, изданных в советское время, и неопубликованных материалов А. А. и Н. А. Панковых.

Появление первых профессиональных цыганских хоров в России относится к последней трети XVIII в. За несколько десятилетий цыганское исполнительство повсеместно проникло в дворянский быт, выступления цыган стали неизменным атрибутом массовых празднеств. В середине XIX в. постоянные цыганские коллективы появились в Петербурге. Именно с возникновением цыганских хоров цыганская культура и стала одним из ключевых мотивов русской литературы классического периода. Например, популярную «цыганскую» песню первой половины XIX в. «Слышишь, разумеешь» (П. Булахов), известную в русском фольклоре как «Три сторожа» (Киреевский, Соболевский), в репертуаре цыган упоминают Л. Н. Толстой («Святочная ночь», «Два гусара»), С. Л. Толстой (мемуары), А. Ф. Писемский («Фанфарон»), А. А. Фет («Кактус»).

Репертуар хоров первоначально состоял из русских (в меньшей степени малороссийских и польских) песен, что объясняется ориентацией цыганского исполнительства на окружающий этнос. Песни на цыганском и макароническом языке в хоровом репертуаре появились во второй половине XIX в. Цыганские хоры исполняли лирические, социально-бытовые и плясовые песни, что отражено в массовых дореволюционных публикациях произведений эстрадного репертуара и другие источниках. Цыганский исполнительский диалект, который М. С. Друскин обозначил термином *транскрипция*, принадлежит процессу культивирования русской народной песни в музыке города. Эстрадная переработка песни часто сводилась к сокращению и перекомпоновке текста, кроме того, долгое обращение текста в этнической среде могло привести к его частичному или полному переводу на цыганский язык. Мелодия аранжировалась в соответствии с актуальными музыкальными тенденциями. Проникновение на цыганскую эстраду авторских романсов и песен относится к рубежу XVIII—XIX вв. Среди них произведения А. П. Сумарокова («Места, тобою украшенны»), И. И. Дмитриева («Ах! Когда б я прежде знала», «Стонет сизый голубочек», «Видел славный я дворец»), А. Ф. Мерзлякова («В час разлуки пастушок», «Я не думала ни о чем в свете тужить», «Чернобровый, черноглазый», «Ах, что же ты голубчик невесело сидишь», «Ах, девица,

красавица», «Вечор был я на почтовом дворе»), В. А. Жуковского («Дубрава шумит», «Мой друг, хранитель, ангел мой»). В дальнейшем в хорах исполнялись романсы на стихотворения А. С. Пушкина («Черная шаль»), Д. В. Давыдова («И моя звездочка», «На голос русской песни»), А. Н. Апухтина («Ночи безумные») и многих других.

Хоровой репертуар воспринимал популярные произведения с псевдоэтническим колоритом, как «Песня Гикши» («Мы живем среди полей», 1828) М. Н. Загоскина и «Песня цыганки» (1853) Я. П. Полонского. С ориентацией на эстрадное исполнительство авторы разного дарования создавали тексты на цыганскую тему вплоть до первой трети XX в. Известную историческую ценность представляют романсы, в которых звучат имена хоровых звезд своего времени. Для хоров также писались величальные и отъезжие песни, предполагавшие особое взаимодействие хора со слушателем.

С середины XIX в. в литературе зазвучала критика цыганского исполнительства, обусловленная вытеснением из репертуара хоров романсами разного художественного достоинства — русской народной поэзии, не имевшей прежнего спроса у массового слушателя. Авторство наиболее безыскусных «цыганских» романсов неосмотрительно приписывалось самим цыганам, как в случае с песенкой «Антипка сломал балалайку», в действительности, восходящей к лицейскому стихотворению А. С. Пушкина «Городок» (1815), которое до настоящего момента не отмечено в числе произведений поэта, положенных на музыку. Сопровождавшие процесс освежения репертуара тенденции эстрадизации исполнительской манеры также не всем пришлись по вкусу. В стилизации этой манеры нецыганскими исполнителями следует искать корни «цыганщины».

Влиянием русской культуры обусловлена специфика танцевальной традиции русских цыган, генетическая связь которой с русской пляской была замечена уже в XVIII в. В costume хоры ориентировались на русский мещанский или купеческий стиль и европейские модные тенденции, однако стилизованный образ (кафтаны, казакины и сапоги у мужчин, драпировка широкими шальями у женщин) воспринимался публикой как национальный костюм. В начале XX в. на цыганской эстраде главенствовал минимализм, а формирование канонов современного женского сценического костюма, завершившееся в 1930-х гг., по мнению Н. Г. Деметер и Н. В. Бессонова, связано с влиянием традиционной одежды цыган-кэлдэрапов, появившихся в России в конце XIX в.

Общинный характер жизни хоровых цыган закончился при увеличении числа коллективов. Московские хоровые цыгане компактно селились в Грузинах, на Живодерке, петербургские — в районе Новой Деревни и Черной Речки. В художественных и мемуарных произведениях И. И. Панаева, Л. Н. Толстого, А. Н. Плещеева, А. А. Игнатьева,

Ф. Ф. Юсупова, П. Д. Боборыкина, А. Н. Апухтина отражен скромный быт и материальные отношения хоровых цыган. До революции 1917 г. на попечении хоров находились сироты и престарелые исполнители, потерявшие возможность себя обеспечивать. Есть свидетельства, что в хоре находили приют поклонники цыганского исполнительства, попавшие в тяжелую ситуацию. Обратной стороной сближения хоров со слушателем была необходимость терпеть причуды обеспеченной публики. Однако хоровые цыгане и цыганки не уединялись и не бражничали с гостями, сторонились откровенных оргий.

При активном участии хоровых музыкантов происходил процесс развития гитарной традиции и становление музыкально-поэтических жанров (романс, русская песня, оперетта). Цыганские хоры оказали значительное влияние на развитие цыганской темы в русской литературе, которая долгое время была основным источником для исследователей вопроса. Некритическое использование литературных источников создало миф о двойственности, развращенности хорового мирка, о цыганах как «невольниках купона». В XX в. не велась работа в архивах и с представителями артистических династий, что могло бы расширить представления о поздней истории цыганских хоров. Взгляд изнутри явила немногочисленная цыганская мемуаристика и документалистика (Е. А. Сорокина, И. И. Ром-Лебедев, К. А. Бауров, О. С. Деметер-Чарская), нерегулярно выходящая с середины XX в.

Параграф 3 *«Поэтический фольклор русских цыган: генезис и эволюция»* посвящен народной поэзии русских цыган, которая с XVIII в. формируется в результате ассимиляции песенной культуры окружающего этноса. Русские песни и романсы проникали в цыганский обиход как из репертуара цыганских хоров, так и через общение с различными слоями русского общества. Несмотря на значительное взаимовлияние, эстрадный (хоровой) и бытовой (таборный) репертуар развивались параллельно. Об этом, в частности, говорит тот факт, что некоторые фольклорные жанры (например, русская обрядовая поэзия и тюремные песни) в быту были представлены в значительно большей степени, чем на эстраде. Часть произведений, усвоенных цыганами, изменилась незначительно, в прочих источнике обнаруживается в результате анализа. Подобные версии, часто представляющие собой неожиданные контаминации, в настоящем принято именовать таборными песнями, текст которых характеризуется «мировоззренческим содержанием» (М. С. Друскин), небольшим объемом и художественной безыскусностью.

В цыганской среде укоренилось то и в таком виде, что лучше соотносилось с этнической психологией, ценностями и реалиями жизни цыган. Из русского обрядового фольклора цыгане вынесли разработанный образ коня; мужской персонаж приобретал черты барышника. К примеру, неудачливым лошадиником стал Пантелей, герой одноименной песни,

восходящей к стихотворению И. С. Никитина «Ссора» (1856). В то же время в русском фольклоре не нашлось основы для создания вымышленных описаний гадания, попрошайничества, полуседлого быта и традиций (в песнях чаще всего упоминаются такие предметы цыганского быта, как конь, телега, палатка, шатер — и такой «обычай», как побег влюбленных). Как и в случае с хоровыми транскрипциями, смысловая актуализация текста приводила к смене жанра. Особенности песенного языка русских цыган (йотирование гласных, введение дополнительных гласных в распев, гуканье) также обусловлены влиянием русской традиционной культуры и не наблюдаются у других цыганских субэтногрупп.

Единичные попытки жанровой классификации поэтического фольклора русских цыган не отвечают требованиям современной науки. В. Н. Добровольский различал свадебные песни, «скакухи», любовные, протяжные, причитания. Материалы советских сборников не систематизированы, за исключением сборника С. М. Бугачевского, который делил песни на протяжные, плачи, бытовые, свадебные, шуточные и песни под пляску. Но протяжными именуются как социально-бытовые, так и плясовые песни, а к плачам причислены социально-бытовые и тюремных песни. Эту классификацию использовали Е. А. Друц и А. Н. Гесслер. Л. Н. Черенков выделяет бытовые песни, тюремные, русские жестокие романсы и новые народные песни. Он же и М. В. Сеславинская используют и скучную аутентичную терминологию: *подколёсные, долевые, застольные, бэшыбнытка гийя* (тюремные песни).

Займованиями в фольклоре русских цыган представлена эпическая поэзия. В хоровой среде бытовали русские былины, но сведений об исполнении их на эстраде нет. Уникальной записью цыганского варианта общеславянской баллады о дочке-пташке является текст «Причитание о семейном горе женщины». Значительную часть фольклора русских цыган составляют лирические песни, на русский прототип которых нередко указывают зачины. Анализ поэтических текстов показал, что семейно-бытовая песня «Бэшто Ваню» (Сидит Ваня) восходит к популярной русской песне «Сидел Ваня на диване», исполнявшейся также в цыганских хорах. Русский первоисточник песни «Участь», фиксированной в советское время в быту и на эстраде, бытует в качестве песни «Приутешная пташечка» и жестокого романса «Кенареечка премлада». Заметный отпечаток на поэзии русских цыган оставили солдатские песни. Социально-бытовая песня «Машинушка» лексически связана с рекрутской «Не кукушечка кукует». Источники тюремных песен также обнаруживаются в русском фольклоре, что опровергает мнение А. П. Баранникова о том, что воровская тема в цыганской поэзии указывает на природную криминальность цыган. Русские источники: жестокий романс «Кругом, кругом осиротела» и тюремная «Звонит звонок — на шот сбирайся!» — имеет тюремная песня «Тэ с дому радость

улетела». Русский источник опознается даже у песни о конокраде «Ой, да палэ рэка» (Ой, да за рекою), записанной В. Н. Добровольским и восходящий к злободневным куплетам первой трети XX в. «Добрый вечер, девки, вам!». Цыганская среда усвоила русские и украинские плясовые, шуточные, хороводные и игровые песни. А первая профессиональная запись русских частушек в быту русских цыган сделана в конце XIX в. Влияние обрядовой русской поэзии на фольклор русских цыган не описано, хотя наложение элементов чужеродной обрядности в их культуре отмечают многие исследователи. С календарными праздниками окружающего этноса русские цыгане восприняли обрядность и суеверия: святочные ряженья, гадания, игры, прыжки через костер на Иванов день и проч. Но по редким упоминаниям и записям судить об объеме усвоенной обрядовой поэзии трудно. Уникальную запись восьми подблюдных песен на русском языке сделал А. А. Панков. К песням литературного происхождения относятся произведения цыганских поэтов XIX—XX вв. и произведения, перенятые цыганами от русских: новые народные песни, жестокие романсы, песни советских авторов. †

Ввиду дефицита записей эволюцию поэтического фольклора русских цыган трудно проследить. Не установлена его историческая связь с фольклором родственных субэтногрупп, с литературой и фольклором русского народа. Немногочисленны попытки выяснить пути попадания и время обращения текста в устном репертуаре; не описаны вариативность, региональный компонент. Не анализировались дореволюционные публикации хорового репертуара. В настоящее время музыкально-поэтический фольклор русских цыган доминирует на цыганской эстраде России, ближнего зарубежья, а также Польши и Финляндии, активно проникая в обиход других цыганских субэтногрупп и вытесняя из него аутентичную поэзию.

Параграф 4 «*Фольклорная проза русских цыган: жанровый состав*» посвящен классификации фольклорной прозы, фразеологии и малых жанров фольклора русских цыган, которые почти не фиксировались и не становились объектом самостоятельного изучения. Существует два достоверных источника этого материала: публикации В. Н. Добровольского (1908) и О. А. Абраменко (2006).

Фольклорную прозу русских цыган составляют социально-бытовые новеллистические сказки (*парамыся* — сказки, *цыг.*) и анекдоты на русском, цыганском и макароническом языке, сюжеты которых обнаруживаются в «Сравнительном указателе сюжетов: Восточнославянская сказка» (1979). На рубеже XIX—XX вв. В. Н. Добровольский записал сказки на сюжеты: дурак продает быка дереву (1643, 740**=K740), говорит невпопад (1696=AA1696A); батрак разделяется с чертом (1072+1084+1049); строптивая жена противоречит мужу (1365B, -1365A*) и другие. От русских цыган не записаны

эротические сказки, сказки о животных и волшебные сказки. Несказочная проза представлена суеверными рассказами и быличками, которые в настоящем потеснены «страшными историями» из фольклора школьников, с этим влиянием связан и популярный сюжет о Пиковой Даме.

Фиксации этиологических повествований русских цыган единичны. В. Н. Добровольский приводит два варианта легенды о египетском происхождении цыган, разрабатывающей мотив ветхозаветной книги Исход (гл. 14—15) и заимствованной из фольклора окружающего этноса. В архиве Н. А. Панкова сохранился уникальный текст притчи «На родэ хась вавр'эскэ» (Не ищи гибели другому, 1922).

Анализ печатных источников фразеологии и малых жанров фольклора русских цыган позволил выявить сравнительно небольшое число аутентичных текстов, к которым относятся пожелания, проклятия и клятвы, произносимые при разных обстоятельствах, пословицы и поговорки. В речевой практике русских цыган используются фразеологизмы и идиомы русского народа в первоизданном виде и переводе на цыганский язык; отпечаток влияния традиционной культуры восточных славян несут толкования снов, приметы, жанры детского фольклора.

В результате опроса тверских информантов автором диссертации зафиксирован ряд идиом, фразеологизмов, заговоров на русском и цыганском языках, уникальный текст загадки (зап. Тверь, 2010), а также образцы ранее не описанного в науке жанра смеховой культуры *ложное заклинание*, представляющего собой две и более рифмованные строки с фривольным содержанием, под видом заговора произносимые под-цыгански быстрым речитативом при гадании клиентам из окружающего этноса: «Кукарашка порьяса ха мри миндзь рояса» (Сорока с хвостом, ешь мою вагину ложкой; зап. Тверь, 2010).

Влияние традиционной культуры окружающего этноса в разной степени распространилось на подавляющее большинство жанров фольклора русских цыган. Аутентичной жанровой терминологии этногруппа практически не выработала. В настоящее время существуют условия для записи быличек, семейных рассказов, малых жанров фольклора. Потеряли актуальность: сказки и анекдоты на цыганском языке. Подобно народной поэзии, фольклорная проза и фразеология представляют собой интересный материал для изучения явления фольклорного двуязычия у цыган.

Во второй главе «*Русские цыгане и литературное творчество*» рассматривается изображение этнического стереотипа цыган и роль литературных и фольклорных текстов в качестве источника изучения культуры русских цыган. В главе описывается характер творчества цыганских авторов и особенности его бытования.

Параграф 1 «*Цыгане в русской традиционной культуре*» посвящен образу цыган в русском фольклоре. В русской культуре цыгане занимают

положение *получужих*: они и выделяются на фоне господствующей культуры, и одновременно являются ее элементами (В. Жданова, Я. Фрухтманн). Принадлежность к двум этническим культурам сопровождается представлениями о неравенстве социального статуса культур и неполного приобщения к доминирующей культуре. Этнический стереотип цыган включает такие компоненты, как легкомысленность, веселость, музыкальность, внешнюю красоту, нелюбовь к честному труду, склонность к обману, мошенничеству, симуляции, попрошайничеству (Г. Т. Тавадов).

Цыганскую тему эксплуатируют многие жанры русского фольклора: пословицы и поговорки, ритуально-драматические действия и фольклорный театр, бытовые новеллистические сказки и анекдоты, былички и этиологические повествования, относящиеся к так называемой фольклорной библии. Поэтические жанры (а иногда и тексты), изображающие цыган, крайне немногочисленны. Довольно устойчив образ цыган в песнях литературного происхождения и жестоком романсе, нередко проникавших в народную среду из репертуара исполнителей цыганского жанра. Русская народная цыганская пляска распространилась в быту около двухсот лет назад также вследствие популярности профессионального цыганского исполнительства. Появление этнического компонента в частушках под «цыганочку» могло быть спровоцировано сдвигом семантики, когда слово *цыганочка*, утратив первоначальное значение (название пляски), стало обозначать условного представителя этноса-соседа.

Опыт фольклора послужил основой для создания этнического образа в художественной литературе, в которой образ цыгана занимает со временем всё большее место. Народной сатире близка линия Цыганки в шуто-трагедии И. А. Крылова «Трумф или Подщипа»: явление, в котором Цыганка гадает Вакуле, схоже со сценкой цыганской ворожбы в малорусском вертепе. К сюжетам восточнославянских новеллистических сказок и анекдотов о цыганах и других инородцах обращались В. И. Даль («Цыган», «Жид и цыган на часах», «Евреи и цыганы», «Мужик и цыган») и украинский поэт С. Руданский (поэтический цикл «Співомовки»).

В условиях острого дефицита полевых материалов по культуре цыган русский фольклор оказывается ценным этнографическим и лингвистическим источником, как в случае с ритуально-драматическими действиями. Весьма перспективным представляется подход в исследовании традиционной культуры и этнографии цыган, основанный на привлечении нецыганских информантов, представляющих исторические центры цыганских миграций и имевших долговременный опыт достаточно тесной межкультурной коммуникации с цыганами.

Параграф 2 «Имитация цыганского языка в русском фольклоре» посвящен анализу лексического материала, в основе которого выявляются

заимствования из цыганского языка. В создании этнического образа в фольклоре большая роль отводится передаче иностранного акцента и имитации иноязычия. Регулярно воспроизводимая в русском фольклоре имитация цыганского языка в разной степени обусловлена межэтническими контактами и репертуаром цыганской эстрады. Имитацию цыганского языка содержат реплики Цыгана (персонажа фольклорного театра Петрушки) и некоторые русские народные песни, проникшие в русский фольклор из цыганского репертуара. В театре Петрушки обращение к Цыгану *ром* в переводе с цыганского означает 'цыган', а его прозвище *Мор* или *Мбра* восходит к фамильярному обращению *мбрэ* (дружище), существующему в ряде цыганских диалектов. В тексте одной из песен Цыгана (зап. Чернигов, 1901) «Яко дако романо, / Яко дако чувано» угадывается источник — припев хоровой песни «Акадякэ» (Вот так-то, 1891) цыганского композитора Н. И. Шишкина.

Связь с «Акадякэ» и другими песнями профессионального цыганского репертуара первой трети — середины XX в. обнаруживает современная русская городская песня «Парамела», в основу которой легла мелодия песни цыганской артистки Е. И. Орловой «Звездочка» («Словно звездочка ночная»). Перспективы исследования данного вопроса определит привлечение большего числа фольклорных записей.

Параграф 3 «Бытование и художественные особенности музыкально-поэтического творчества цыганских авторов» посвящен изучению наследия цыганских поэтов и композиторов XIX—XX вв. В СССР кириллический цыганский алфавит просуществовал с 1927 по 1938 г., и с этого момента регулярное книгоиздание на цыганском языке в стране прекратилось. Цыганская культура остается устной, чем определяются особенности развития и функционирования ее литературных, в первую очередь поэтических форм (М. В. Сеславинская). Творчество цыганских авторов часто связано с профессиональным исполнительством. Хоровая среда создала плеяду авторов (И. В. Васильев, Д. А. и его сын М. Д. Шишкины, М. А., Н. И., А. В., И. В. Шишкины, Р. А. и его сын С. Р. Калабин, М. Н. Губкина), аранжировки и сочинения которых (романсы, куплеты, русские песни) занимают не последнее место в ряду публикаций эстрадного репертуара середины XIX — начала XX в. Творческое наследие третьестепенных цыганских авторов у специалистов ассоциируется с цыганщиной и жестоким романсом и поэтому почти не изучено. Между тем эти публикации позволили автору диссертации установить литературное происхождение песен, ставших достоянием цыганского репертуара и в ряде случаев оказавших известное влияние на устный репертуар окружающего этноса. Так, бытовая песня «Пáшэ бов» (У печи) восходит к шансонетке «Щи горячия — Маша кипятюк» М. Д. Шишкина, автора романсов «Ты и Вы», «Благодарю», «Живет моя отрада» и др.

Изучение песен советских цыганских авторов в их связи с фольклором русских цыган осложняется отсутствием авторизованных публикаций. С конца 1920-х гг. цыганские авторы получили недолгую возможность издаваться в национальной периодике и малотиражных альманахах, по которым ныне можно установить авторство некоторых народных песен. В этот период произведения, в том числе с советским содержанием, создавали А. А. Панков, Е. И. Орлова, Г. П. Лебедев. К 1950—1980-м гг. относится деятельность К. Ананьева (1918—1976), Н. М. Жемчужного (1923—1993), А. А. Колпакова (1938 г. р.), В. Н. Васильева (1954 г. р.), М. Д. Бузылёва (1929—2002) и его сыновей В. М. и Д. М. Бузылевых. В своих произведениях современные цыганские авторы ориентируются не только на традиционный эстрадный репертуар (русская народная поэзия, русская песня, романс), но и на актуальные жанры фольклора: жестокий романс и бытовые (таборные) песни, что создает благоприятные условия для фольклоризации.

На северо-русском диалекте цыганского языка, доминирующем на российской эстраде, свои песни писали и пишут авторы, принадлежащие к другим субэтнограммам: П. С. Деметер (1910—1995), Л. Мануш (1942—1997) и П. Г. Деметр (1941 г. р.).

Ряд песен современных авторов можно атрибутировать только по устным источникам. Так, опрос информантов позволил диссертанту установить авторство популярных песен «Кай о бэргги» (Где горы), «Пáшэ ягорй» (У огонька) и «Матушка Россия», написанных в конце 1960-х гг. цыганским артистом В. Ф. Васильевым (1950 г. р.), получившим известность в роли Яшки Цыгана в трилогии «Неуловимые мстители» (реж. Э. Кеосаян, 1966, 1968, 1971). Песни литературного происхождения составляют весомую часть современного устного репертуара русских цыган, однако вопрос их фольклоризации мало освещен.

Параграф 4 «*Образ цыганки в русской литературе XIX—XX веков*» посвящен литературной истории образа цыганки как популярнейшего воплощения цыганской темы в европейском искусстве. Изучение этнического компонента в русской литературе немыслимо без привлечения данных из области истории и этнографии. Оценка правдоподобия литературных и изобразительных источников — сильная сторона дилетантского цыгановедения. Опыт цыгановедов предлагал использовать М. Ф. Мурынов (1999).

Цыганская тема разрабатывалась с XVIII в. (А. П. Сумароков, Н. А. Львов, И. И. Дмитриев, Г. Р. Державин, В. Т. Нарезный) в сатирическом и романтическом ключе. Но философское звучание она приобрела только в поэме А. С. Пушкина «Цыганы» (1823). Успех этого опыта привел к формированию нового стереотипа этноса, которому в разной степени подчинялась дальнейшая разработка темы в европейском искусстве, учитывая ретрансляцию известных мотивов у Борроу, Мериме,

Бизе, братьев де Гонкур и других. Для своего времени нов был и тип героини-цыганки, чувства которой не признают условий; он отличался от героинь Сервантеса и Гюго уже хотя бы действительным цыганским происхождением. С той или иной целью авторы черпали из поэмы Пушкина этнографическую информацию, заимствовали конфликты, коллизии, антропомимы и т. д. Прологу «Дыган» лексически и стилистически близка идиллическая панорама табора в стихотворении И. С. Никитина «Степная дорога» (1853). Идеалистическое понимание нравов «бедных сынов» природы воплощает образ кроткого табора в рассказе В. М. Гаршина «Медведи» (1883). Для рассказа И. С. Тургенева «Конец Чертопханова» (1852), повести Е. Данковского (Е. П. Новикова) «Поездка в деревню» (1855) и ряда других произведений фрагменты поэмы явились источником цыганских эпизодов, полностью или частично укладывающихся в сюжетную схему: встреча — любовь — утрата возлюбленной — расправа над беглянкой. Битва полов в знакомых декорациях молдавских степей разворачивается в рассказе М. Горького «Макар Чудра» (1892), однако нельзя исключать его возможной связи с фольклором цыганских субэтногрупп этого региона. Наконец с Песней Земфиры прочно ассоциируются многие произведения в романсном наследии третьестепенных авторов. Следует заметить, что образ цыгана как таковой не нашел столь значимого воплощения в литературе.

Ложные представления о цыганском темпераменте, нравах и обычаях хора поставили цыганку в литературе в один ряд с типом содержанки. Однако объективный консерватизм цыганок стал причиной того, что русская литература не породила откровенно проституированных героинь и избежала излишнего эротизма, хотя в образе цыганки используются элементы мистики и эротики. Клишированное описание экзотической красоты строится алогично на настойчивом умалении собственно этнических черт. С темой «человека природы» связано обильное употребление «натуральных» (зоологических) эпитетов и сравнений. Цыганкой-полукровкой является главная «падшая женщина» русской литературы Катюша Маслова, но эта непринципиальная зацепка в биографии героини не получила развития в романе. Образ цыганки в большей степени коррелирует с расширительной трактовкой падшей женщины как женщины, утратившей доброе имя вследствие компрометирующего поведения и как девушки, готовой совершить неверный шаг. Под эти определения попадают Маша из драмы Л. Н. Толстого «Живой труп» (1900) и Груша из повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» (1873).

Изображение цыган обусловлено ощущением неразрывной связи их с культурой окружающего этноса. Литературные цыганки являются носительницами русского фольклора и подчеркнута простонародной речи, ср.: «Али наших сестер цыганок не ведаешь? Нрав наш таков, обычай.

Коли завелась тоска-разлучница, отзывает душеньку во чужу-далнюю сторонушку — где уж тут оставаться? Ты Машу свою помни — другой такой подруги тебе не найти — и я тебя не забуду, сокола моего; а жизнь наша с тобой кончена!» (И. С. Тургенев). Такая же языковая нарочитость отличает речь цыганки в очерке Б. Маркевича «Цыганка Таня» (1875). В описании Груши Лесков использует русские мифологемы («фараон», «змеице-горынице»). В романе А. И. Эртеля «Гарденины» (1889) цыган — тезка былинного богатыря Чурилы Пленковича.

Сопоставление высокого пушкинского мифа о цыганах с бытовым цыганским хором (фактически — коммерческим предприятием) породило представления о пугающе откровенном цинизме цыганского общества, в котором всё продается и покупается. Для русской литературы XIX в. «двойственный» цыганский мир стал отражением добра и зла жизни. Пушкинский миф о цыганке, олицетворяющей самостоятельность, власть над своей судьбой и неспособность ко лжи, претерпел существенные изменения. С одной стороны, в условиях цивилизации представительница этого идеального общества обречена на нравственное перерождение или гибель. С другой стороны, гипертрофированное стремление к свободе и независимости оборачивается раскрепощенностью, граничащей с распушенностью («Неупиваемая чаша» И. С. Шмелева).

В Заключении формулируются выводы исследования.

Большая часть цыганского репертуара испытала активное влияние русской литературы и фольклора. Это привело к ориентации музыкально-поэтического творчества цыганских авторов России на русскую литературную и фольклорную традицию, что создало условия для фольклоризации ряда произведений. Но и русская литература XIX—XX вв. осваивала цыганскую тему, воплощение которой стал образ цыганки как экзотической возлюбленной, восходящий к поэме А. С. Пушкина «Цыганы». Особой формой воплощения цыганской темы является имитация речи цыган в театре и городских песнях, имеющая в основе разговорные фразы и строки популярных эстрадных цыганских песен. Произведения, посвященные цыганской теме, позволяют реконструировать этнический стереотип цыган и новую мифологию цыгана. Особое место в современном мифе о цыганах занимает исследовательский миф о хоровом происхождении поэтического фольклора русских цыган.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. *Махотина И. Ю.* О чем поет цыганская «дочка пташка»? (Заемствованный балладный сюжет в фольклоре русских цыган) // А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования. Тверь: Марина, 2008. С. 299—319.
2. *Махотина И. Ю.* Устный репертуар русских цыган по материалам архива семьи Панковых // Наукові записки: Збірник праць молодих вчених

та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Т. 15. Тематичний випуск «Роми України: із минулого в майбутнє». Київ, 2008. С. 315—326.

3. *Махотина И. Ю.* Устный репертуар русских цыган по материалам архива семьи Панковых // Тверское фольклорное поле 2007: Доклады и публикации. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 56—70.

4. *Махотина И. Ю.* Цыгане, «цыганочка» и «цыганская» тема в современных русских частушках // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2010. Вып. 2. С. 122—138.

5. *Махотина И. Ю.* О произведениях И. С. Никитина в репертуаре русских цыган // Русская литература. 2010. № 12. С. 86—95.

6. *Махотина И. Ю.* Фразеология и малые жанры фольклора русских цыган // Фольклор в современной культуре: Материалы научно-практической конференции. Тверь: «СФК-Сфинкс», 2010. С. 126—129.

7. *Махотина И. Ю.* Фольклорная драма «Лодка» в репертуаре цыганского хора (Запись А. А. Панкова) // Преподаватель XXI век. 2010. № 3. С. 325—328.

8. *Махотина И. Ю.* Песни литературного происхождения и жестокий романс в репертуаре русских цыган // Известия Саратовского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2011. № 3. С. 73—82.

Технический редактор А.В.Жильцов
Подписано в печать 31.01.2012. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 1,25. Тираж 100 экз. Заказ № 38.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63